

В.А. Маклаков

**Исследования по греческой
истории**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.А. Маклаков**
Исследования по греческой истории / В.А. Маклаков – М.: Книга по Требова-
нию, 2021. – 138 с.

ISBN 978-5-518-06759-2

Исследования по греческой истории. 1. Избрание жребием в Афинском
государстве. 2. Аристотель и Эфор.

ISBN 978-5-518-06759-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

В. Маклаковъ.

ИЗБРАНІЕ ЖРЕБІЕМЪ
ВЪ
АѢИНСКОМЪ ГОСУДАРСТВЪ.

Избраніе жребіемъ причинило много безпокойства историкамъ. Современный взглядъ не мирится съ подобнымъ источникомъ власти. Мы понимаемъ власть выборную, наслѣдственную, власть по назначенію сверху, знаемъ ихъ недостатки и выгоды; но жребій, который не даетъ никакихъ гарантій, является по существу отказомъ отъ обдуманнаго рѣшенія, намѣренно вноситъ начало случайности — противорѣчить всему тому, чего мы ожидаемъ отъ власти. Допустимъ даже, что эти сомнѣнія—плодъ нашихъ политическихъ предразсудковъ; что въ древнемъ мірѣ имъ не придавали цѣны; многое и тогда остается не яснымъ. Какой политической смыслъ могъ имѣть жребій? Его наибольшее распространеніе совпало съ развитіемъ демократіи, въ демократахъ нашли онъ своихъ главныхъ сторонниковъ; его считаютъ поэтому демократическимъ учрежденіемъ, послѣднимъ словомъ политическаго равенства, такъ какъ онъ открываетъ равный для всѣхъ доступъ къ государственнымъ должностямъ. Это правда; но если благодаря жребію и выигрываетъ каждое отдѣльное лицо, получая равное право, или вѣрнѣе равную возможность случайно очутиться во власти, то всѣ въ совокупности, вся община проигрываетъ; она лишается возможности назначать себѣ излюбленныхъ магистратовъ, теряетъ право выбора властей—самый элементарный, самый основной принципъ всякаго демократическаго устройства. Исходя изъ этого наблюденія Müller-Strübing *) предложилъ совершенно обратное объясненіе жребія; жребій по его мнѣнію, не побѣда демократіи, а ея уступка; защита интересовъ меньшества, той аристо-

*) Müller-Strübing—Aristophanes und die historische Kritik. стр. 206.

кратической партіи, которая при выборахъ была бы фактически отстранена отъ государственныхъ дѣлъ; это—аристократическій институтъ, ибо онъ уравниваетъ права, но въ пользу аристократіи. Взглядъ Müller-Strübing'a не встрѣтилъ особеннаго сочувствія и остался на степени научнаго парадокса; трудно понять, дѣйствительно, какія соображенія могли бы побудить демократическую партію къ такому непримѣрному въ исторіи великодушію; трудно вѣрить, чтобы излюбленная демократіей политическая форма была на дѣлѣ ограниченіемъ ея господства; чтобы, наконецъ, весь древній міръ, въ лицѣ лучшихъ писателей, жестоко ошибался, называя демократичнымъ то, въ чемъ былъ лишь выигрышъ аристократіи. Но, если мы и не послѣдуемъ за Müller-Strübing'омъ, нельзя не согласиться, что есть много справедливаго въ его доводахъ, и что изъ понятія демократіи еще не вытекаетъ жребія. И не только его смыслъ такимъ образомъ остается неяснымъ; мы не лучше поймемъ и его практическую возможность; какъ могло существовать государство. въ которомъ правительственныя должности раздавались капризомъ случайной удачи? Обыкновенно замѣчали, что всѣ должности, не исключая архонтовъ, были маловажны, что самая значительная и отвѣтственная изъ нихъ, стратегія была избирательною и т. д.; но если и допустить, что должности были до того ничтожны, что въ нихъ нельзя было даже навредить, то можно ли сказать это про нихъ всѣхъ въ совокупности, про весь правительственный механизмъ, зависѣвшій отъ жребія? Итакъ жребій является какой-то загадкой, политическимъ курьезомъ древняго міра, вызываетъ больше недоумѣнія, чѣмъ порицанія, скорѣе удивленіе, чѣмъ похвалу; мы не умѣемъ теперь ни оправдать его разумность, ни объяснить его возможность. А между тѣмъ совсѣмъ не таково было отношеніе къ нему древнихъ. Онъ былъ вводимъ въ историческую пору сознательными дѣйствіями законодателей, не разъ служилъ предметомъ заимствованія, съ теченіемъ времени получалъ все большее развитіе и распространеніе; его могли осуждать, какъ осуждали самую демократію, какъ осуждаютъ въ наше время и принципъ наслѣдственности, и даже самые выборы; но никто не находилъ его страннымъ, загадочнымъ, не помнящимъ родства обычаемъ; самъ трезвый и ученый Аристотель смотритъ на него спокойно, не дѣлая особен-

ныхъ оговоркахъ, отводитъ ему определенное мѣсто въ классификаціи политическихъ явленій. Мы, очевидно, чего-то не знаемъ, если удивляемся теперь тому, что казалось прежде столь простымъ и естественнымъ. Недостаточно подмѣтить демократичность жребія, недостаточно разъяснить, какъ могла его вытерпѣть дѣйствительная жизнь. Мы поймемъ его только тогда, когда найдемъ такую точку зрѣнія, съ которой онъ покажется и намъ не только мыслимымъ, но и необходимымъ, или даже неизбежнымъ, станетъ такой же политической банальностью, какъ и наследственность и выборъ.

Такое объясненіе и постарались найти для жребія Fustel de Coulanges и Naedlam, сочиненія которыхъ мы сейчасъ рассмотримъ; оба они подошли къ вопросу съ разныхъ сторонъ и дали двѣ теории, совершенно различныя; однако, какъ мы увидимъ, ни одну изъ нихъ нельзя признать ни вполне достаточной, ни вполне убѣдительной.

Взглядъ Fustel de Coulanges'a, высказанный уже въ *Cité antique* былъ имъ отчетливѣе изложенъ и обстоятельнѣе мотивированъ въ небольшой статьѣ «*Sur le tirage au sort des archontes atheniens*», напечатанной въ 1879 г. въ «*Nouvelle Revue historique du Droit francais et etranger*»; статья была перепечатана въ посмертномъ изданіи «*Nouvelles recherches sur quelques problèmes d'histoire*» и снабжена примѣчаніями издателя проф. Jullian, сдѣланными послѣднимъ на основаніи новооткрытаго неизвѣстнаго Fustel de Coulanges'у трактата Аристотеля.

Изложу вкратцѣ содержаніе статьи.

Fustel de Coulanges прежде всего отрицаетъ общераспространенный взглядъ, который видитъ въ жребіи обычай сравнительно поздній, введенный законодательствомъ Клизеена, Аристида или Эфіальта; по его мнѣнію это исконный, первоначальный способъ замѣщенія архонтовъ; онъ дѣйствовалъ на всемъ протяженіи греческой исторіи, и начало его надо искать въ ту раннюю пору, отъ которой не дошло до насъ никакихъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ.

Разъ такимъ образомъ возникновеніе жребія отодвинуто въ хронологическую даль до-Солововой древности — задача измѣняется кореннымъ образомъ; жребій становится не послѣднимъ словомъ демократическаго устройства, а архаическимъ обрядомъ;

его смыслъ не въ политическихъ доктринахъ V вѣка, а въ идеяхъ и вѣрованіяхъ глубокой старины.

Разгадать его уже не трудно: жребій—религіозная церемонія, обычное средство узнавать волю боговъ; онъ употреблялся при избраніи во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ считалось недостаточнымъ людское рѣшеніе. Вездѣ и всегда такъ избирали жрецовъ, для которыхъ прежде всего требовалась удобность богамъ, когда пошатнулось или оказывалось несостоятельнымъ опредѣленіе по наследственности. Архонты—тоже священная должность; потому то, когда послѣ преступленія Гиппомена архонтатъ вышелъ изъ фамиліи Кодридовъ, для замѣщенія архонтовъ естественно и неизбѣжно былъ примѣненъ тотъ-же излюбленный религіозный приѣмъ жеребьевки ¹⁾.

Если это такъ, то жребій архонтовъ оказывается вовсе не одинокой чертой греческой исторіи, а находитъ свою полную аналогію и въ римской. Въ Римѣ избраніе консуловъ не основывалось на одномъ голосованіи центуриатныхъ комицій; требовалось еще согласіе боговъ, которое жрецъ добывалъ посредствомъ гаданія. Оба момента—людское и божеское рѣшеніе мы видимъ и въ Аѣнахъ. Жребій кидается не между всѣми, а между избранниками (*ἐκ προκρίτων*), предварительно намѣчаемыми выборомъ. Эта двойная процедура однако съ теченіемъ времени видоизмѣняется. Въ Римѣ развитіе демократіи, упадокъ религіозной покорности свели жреческую санкцію къ благочестивой формальности и остался голый выборъ; въ Аѣнахъ та-же демократія позднѣе упразднила предварительное избраніе, оставя въ силѣ религіозный обрядъ. Получается контрастъ между Аѣнами и Римомъ; но Куланжъ разрѣшаетъ его такимъ образомъ. Аѣняне болѣе консервативны и крѣпче стоятъ за свои традиціонные обычаи; демократическія идеи нашли у нихъ другой выходъ: демократія создала специальную должность стратеговъ, сдѣлала ее исключительно избираемой, перенесла на нее главныя государственныя обязанности; тогда архонтатъ потерялъ всякое политическое значеніе, вслѣдствіе чего оказалось ненужнымъ избраніе и достаточной одна жеребьевка ²⁾.

Таковъ взглядъ F. de Coulanges'a. Однако едва ли онъ выдерживаетъ критику, особенно со времени открытія трактата Ари-

¹⁾ Fustel de Coulanges, Sur le tirage au sort des archontes atheniens p. 169.

²⁾ —ib.—p. 175.

стотеля, который нѣкоторые ученые по какому то странному недоразумѣнію толкуютъ въ пользу Куланжа ¹⁾).

F. de Coulanges не безъ умыслу ограничилъ свое изслѣдованіе одними архонтами. Только благодаря этому могъ онъ выдвинуть впередъ своеобразныя черты объясненнаго имъ жребія, его архаичность, его религиозный характеръ, его примѣненіе къ полусвященнымъ должностямъ и т. д. Но вѣдь жеребьевка архонтовъ только мелкая подробность въ широкой практикѣ древняго жребія. F. de Coulanges какъ бы забываетъ, что кромѣ архонтовъ такъ избиралась масса совѣтъ не религиозныхъ, и мелкихъ и крупныхъ магистратуръ, начиная съ членовъ совѣта и кончая чинами низшей полиціи; что наибольшее развитіе этого обряда совпало всетаки съ побѣдой демократовъ, въ рядахъ которыхъ онъ нашелъ своихъ главныхъ поборниковъ. Издатель Куланжа Jullian строго держится той-же позиціи, и, встрѣтивши въ 8-й главѣ Ἐπιτεταίων Πολιτεία фразу, τὰς ἀρχὰς ἐποίησε κληρωτάς, въ скобкахъ безъ всякихъ доказательствъ замѣчаетъ, что ἀρχαί здѣсь только архонты ²⁾. Такой постановкой вопроса F. de Coulanges прошелъ, конечно, мимо цѣлага ряда затрудненій, но и до крайности сузилъ значеніе своей теоріи. Если и признать его объясненіе для архонтовъ, то оно не приложимо къ остальнымъ должностямъ; жребій архонтовъ и жребій позднѣйшій во многомъ противоположны; первый архаиченъ, второй не старше демократіи; первый примѣнялся къ должностямъ священнымъ, второй къ самымъ свѣтскимъ и ничтожнымъ; съ первымъ демократія борется созданіемъ стратегіи, второй усердно повсюду проповѣдуетъ и т. д. Жребій могъ имѣть различный смыслъ и F. de Coulanges вправѣ давать жребію архонтовъ совершенно особое толкованіе; но и въ подобномъ изслѣдованіи неслѣдуетъ замыкать свой матеріалъ произвольно тѣсными рамками. Явленіе столь общее какъ жребій нельзя объяснять, вглядываясь въ одно изъ его случайныхъ проявленій; какъ бы убѣдительно ни было оно разобрано для одного случая, если прочіе остались непонятны, объясненіе теряетъ кредитъ. Ограниченность задачи, рѣшаемой

¹⁾ пр. Jullian, издатель „Nouvelles recherches“,—Weil цитуемый имъ въ предисловіи, пр. Шефферъ въ своемъ „Афинскомъ гражданствѣ“.

²⁾ F. de Coulanges ib.—стр. 161, подстрочное примѣчаніе.

F. de Coulanges'омъ не только не позволяет вывести его толкованіе за предѣлы архонтата; она а priori внушаетъ подозрѣніе, что и для архонтовъ эта теорія можетъ оказаться односторонней и неполной. Но посмотримъ, хорошо-ли она доказана даже для архонтовъ.

Замѣтимъ прежде всего, что F. de Coulanges едва ли не преувеличиваетъ священнаго характера древнихъ архонтовъ. «Nous ne devons pas oublier, пишетъ онъ на стр. 168, que l'archontat tenait la place de la royauté sacerdotale et sainte des premiers siècles». Власть древнихъ царей была дѣйствительно полна божественныхъ элементовъ, такъ что носитель ея является столько-же первосвященникомъ, сколько и свѣтскимъ повелителемъ; но архонты вовсе не стали на мѣсто царей, какъ въ Римѣ консулы, не взяли на себя всего объема древней царской власти. Новый трактатъ Аристотеля даетъ здѣсь существенныя указанія. Мы узнаемъ, что царская власть въ Аѣинахъ пала не сразу, а уничтожилась постепеннымъ процессомъ разложенія; что архонты возникли еще при царяхъ, стояли рядомъ съ ними, не замѣняя ихъ, а лишь раздѣляя съ ними правительственный трудъ. Такъ, по словамъ третьей главы, при одномъ изъ царей, подъ вліяніемъ военной нужды (*χρείας καταλαβούσης*), Аѣиняне вручаютъ предводительство на войнѣ Иону, и такъ создается вторая должность — полемархія (*δευτέρα ἀρχὴ ἐπικατέστη πολεμαρχία*). Позже вѣроятно аналогичные же мотивы вызываютъ къ жизни должности архонта и тесмотетовъ. У Аристотеля ясно указаны причины всего процесса — измельчаніе царской династіи (5-й отрывокъ Гераклида — *διὰ τὸ δοχεῖν τριφᾶν καὶ μάλα ἰσχυρὸς γενέσθαι*). Конечно нельзя утверждать, что всѣ подробности этого періода Аѣинской старины изложены Аристотелемъ съ совершенной точностью; процессъ разложенія царской власти могъ идти съ меньшей правильностью и схематичностью. Но едва-ли есть основаніе не довѣрять главному факту, охарактеризованному Аристотелемъ; тому, что позднѣйшая коллегія архонтовъ образовалась путемъ послѣдовательнаго распадешя прежнихъ царей, что архонты еще при нихъ начали свое политическое существованіе.

Это существенно измѣняетъ вопросъ объ ихъ священномъ характерѣ. Излюбленная богами царская династія остается у власти,

продолжает нести на себя бремя религиознаго представительства; но рядомъ съ царями, скорѣе подъ ними становятся другія лица, ихъ главные помощники; позднѣе цари, растерявъ большинство своихъ обязанностей, войдутъ съ ними въ одну коллегію архонтовъ, какъ равноправные члены; но въ началѣ эти новыя должности еще второстепенны. Возможно, конечно, что и онѣ не были свободны отъ своеобразныхъ религиозныхъ функцій; но центръ тяжести въ нихъ, очевидно, въ свѣтской области. Это видно и въ ихъ сосуществованіи съ царями, и изъ обстановки ихъ возникновенія. Во всякомъ случаѣ нѣтъ основанія ставить древнихъ архонтовъ на одну доску съ царями. F. de Coulanges произвольно ограничившіи свое изслѣдованіе архонтами, чтобы удержать положеніе, que l'archontat tenait la place de la royauté, долженъ былъ сузить задачу еще болѣе, и говорить только объ архонтѣ базилевсѣ; только βασιλεύς находился въ непрерывной преемственной связи съ прежнимъ царемъ, только онъ унаслѣдовалъ его главныя сакральныя обязанности.

Преувеличивъ религиозный моментъ во власти архонтовъ, F. de Coulanges преувеличилъ его и въ фактѣ жеребьевки. Любопытно, что сами древніе не раздѣляли его взгляда на жребій правительственныхъ лицъ, какъ на религиозный обрядъ. F. de Coulanges могъ сослаться для грековъ на одного Платона ¹⁾; но Платонъ слишкомъ своеобразный мыслитель, особенно въ вопросахъ религиозныхъ и политическихъ, чтобы считать его показателемъ общественнаго мнѣнія. Большинство источниковъ напротивъ совершенно не подтверждаетъ религиознаго пониманія жребія, какъ это на многихъ примѣрахъ показалъ другой ученый Headlam на стр. 8—11 своего «Election by lot», о которомъ я буду подробно говорить ниже. Взглядъ F. de Coulanges'а нашелъ сторонника въ проф. Шефферѣ, который въ доказательство религиозности жребія приводитъ цитату, указанную самимъ Headlam'омъ, именно рѣчь Динарха. «Ораторъ Динархъ, пишетъ онъ на стр. 131 «Аѳинскаго Гражданства», обращаясь къ своимъ судьямъ напоминаетъ имъ, что судьба (τύχη) и жребій избрали ихъ», и прибавляетъ въ подстрочномъ примѣчаніи, что въ «данномъ случаѣ τύχη=θεός». Однако подобное толкованіе едва-ли обязательно. Τύχη въ примѣненіи къ жребію вполнѣ

¹⁾ F. de Coulanges ib стр. 167.

могло быть равносильно русскому «случай». Такъ напримѣръ Исократъ пишетъ, говоря о Солоновскомъ избраніи: ἐπειτα καὶ δημοτικωτέραν ἐνόμιζον εἶναι ταύτην τὴν κατάστασιν ἢ τὴν διὰ τοῦ λαγχάνειν γιγνομένην· ἐν μὲν γὰρ τῇ κληρώσει τὴν τύχην βραβεύσειν... ἐν δὲ τῷ προκρίνειν τοὺς ἐπιεικεστάτους τὸν δῆμον ἔσθαι κύριον ἔλεσθαι κτλ.¹⁾ Здѣсь прямое указаніе на случайность, нерациональность избранія жребіемъ. Исократъ не сталъ бы говорить такимъ языкомъ, если бы самъ или его слушатели видѣли въ жребіи не случайную удачу, а выраженіе божественной воли. И у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы придавать Динархову τύχη другое значеніе, нежели то, которое такъ ясно выступаетъ въ цитатѣ Исократа.

Главнымъ основаніемъ, изъ котораго выросло религиозное объясненіе, несомнѣнно надо считать примѣненіе жребія къ назначенію духовныхъ магистратовъ, жрецовъ, и т. д.: здѣсь оно конечно носить религиозный характеръ, какъ и гаданіе по птицамъ, и сновидѣнія. Надо спросить себя только: былъ ли онъ таковъ по существу, т. е. всегда и исключительно, или могъ имѣть и другой смыслъ. Въдѣ ни въ полетѣ птицъ, ни въ сновидѣніяхъ нѣтъ еще ничего неперемѣнно религиознаго; но въ иныхъ случаяхъ, послѣ извѣстныхъ обрядовъ и приемовъ, изъ нихъ дѣлали религиозное средство узнавать волю боговъ. Такъ и жребій, сохраняя свой простой, обыденный смыслъ, могъ быть преобразованъ въ священный обрядъ. Для жрецовъ, отъ которыхъ прежде всего требовалась угодность богамъ—качество, въ которомъ некомпетентна людская оцѣнка, негодилось избраніе людьми; необходимо было такъ или иначе предоставить рѣшить самимъ богамъ, вѣсь употребляемья для этого средства—жребій, гаданіе, сонъ, возводились на высоту божественнаго указанія. Вопросъ въ томъ, имѣемъ ли мы право и основаніе приложить то-же разсужденіе ко всей практикѣ жребія, т. е. къ избранію всѣхъ правительственныхъ лицъ и преимущественно архонтовъ? Мы видѣли во первыхъ, что при появленіи архонта полемарха отъ него требовалась не столько угодность богу (ему обладалъ и царь) сколько воинская доблесть, о которой могли судить и люди. Видѣли во вторыхъ, что древніе могли употреблять

¹⁾ Isokrates Areopagitikos § 22.